

Манхэттенский обман

Истина в предпоследней инстанции

На свете есть не так много вещей, которые считаются бесспорными. Ну, что солнце восходит на востоке и заходит на западе, вы, я думаю, в курсе. И что Луна вращается вокруг Земли - тоже. И насчет того, что американцы первыми создали атомную бомбу, опередив и немцев, и русских.

Так считал и я, пока года четыре назад мне в руки не попал один старинный журнал. Мои убеждения насчет солнца и Луны он оставил в покое, а вот веру в американское лидерство поколебал довольно серьезно. Это был пухлый том на немецком языке - подшивка журнала «Теоретическая физика» за 1938 год. Уже не помню, зачем я туда полез, но совершенно неожиданно для себя наткнулся на статью профессора Отто Гана.

Имя было мне хорошо знакомом. Именно Ган, знаменитый немецкий физик и радиохимик, открыл в 1938 году совместно с другим крупным ученым - Фрицем Штраусманом - деление уранового ядра, фактически дав старт работам по созданию ядерного оружия. Сначала я просто пробежал статью взглядом по диагонали, но затем совершенно неожиданные фразы заставили меня стать внимательнее. И в конечном счете - даже забыть о том, для чего я изначально взял в руки этот журнал.

Статья Гана была посвящена обзору атомных разработок в разных странах мира. Собственно говоря, обозревать было особо нечего: везде, кроме Германии, ядерные исследования находились в загоне. В них не видели особого смысла. «Эта отвлеченная материя не имеет никакого отношения к государственным нуждам», - сказал примерно в это же время премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, когда

его попросили поддержать английские атомные исследования бюджетными деньгами. «Пусть эти ученые очки сами ищут деньги, у государства полным-полно других проблем!» - так считало в 30-е годы большинство мировых лидеров. За исключением, конечно, нацистов,

которые ядерную программу как раз финансировали.

Но отнюдь не пассаж Чемберлена, заботливо процитированный Ганом, привлек мое внимание. Англия вообще не слишком интересует автора этих строк. Гораздо интереснее было то, что Ган написал о состоянии ядерных исследований в Соединенных Штатах Америки. А написал он буквально следующее:

Если говорить о стране, в которой процессам деления ядра уделяется наименьшее внимание, то следует, несомненно, назвать США. Разумеется, сейчас я не рассматриваю Бразилию или Ватикан. Однако среди развитых стран даже Италия и коммунистическая Россия значительно опережают США. Проблемам теоретической физики по ту сторону океана уделяется мало внимания, приоритет отдается прикладным разработкам, которые могут дать немедленную прибыль. Поэтому я могу с уверенностью утверждать, что в течение ближайшего десятилетия североамериканцы не смогут сделать что-либо существенное для развития атомной физики.

Сначала я просто посмеялся. Надо же, как ошибался мой соотечественник! И только потом задумался: как ни крути, Отто Ган не был простачком или дилетантом. О состоянии атомных исследований он был информирован прекрасно, тем более что до начала Второй мировой войны эта тема свободно обсуждалась в научных кругах.

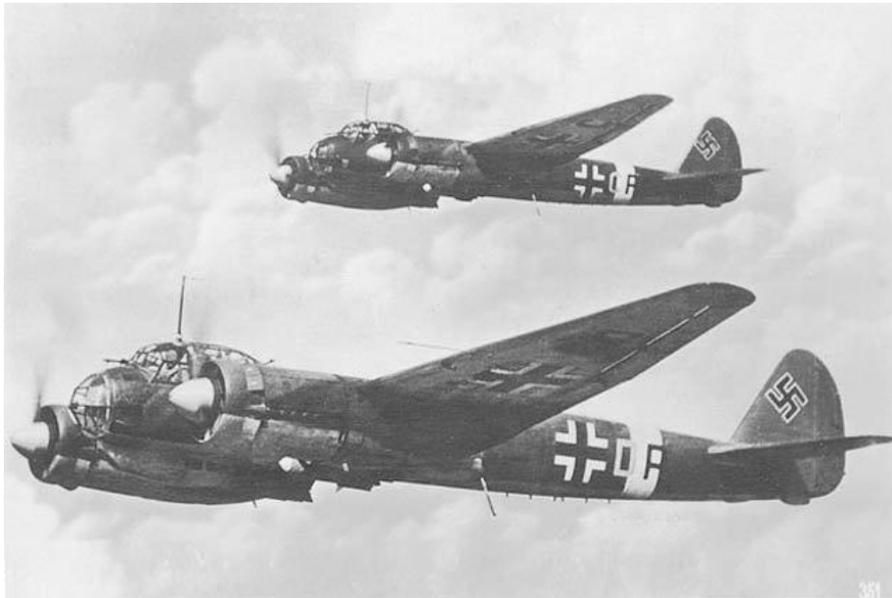
Может быть, американцы дезинформировали весь мир? Но с какой целью? Об атомном оружии в 30-е годы еще никто не помышлял. Более того, большинство ученых считали его создание невозможным в принципе. Именно поэтому до 1939 года обо всех новых достижениях в атомной физике мгновенно узнавал весь мир - они совершенно открыто публиковались в научных журналах. Никто не скрывал плодов своего труда, наоборот, между различными группами ученых (почти исключительно немцев) шло открытое соперничество - кто быстрее продвинется вперед?

Может, ученые в Штатах опередили весь мир и потому держали свои достижения в секрете? Недурное предположение. Чтобы подтвердить или опровергнуть его, нам придется рассмотреть историю создания американской атомной бомбы - по крайней мере, такую, какой она предстает в официальных публикациях. Все мы привыкли принимать ее на веру как нечто само собой разумеющееся. Однако при ближайшем рассмотрении в ней находится столько странностей и неувязок, что просто диву даешься.

С миру по нитке - Штатам бомба

Тысяча девятьсот сорок второй год начинался для англичан неплохо. Вторжение немцев на их маленький остров, казавшееся неминуемым, теперь, как по волшебству, отступило в туманную даль. Прошлым летом Гитлер сделал главную ошибку в своей жизни - напал на Россию. Это было началом конца. Русские не только выстояли вопреки надеждам берлинских стратегов и пессимистическим прогнозам множества наблюдателей, но и хорошо дали вермахту по зубам морозной зимой. А в декабре на помощь британцам пришли большие и могущественные Соединенные Штаты, которые стали теперь официальным союзником. В общем оснований для радости было хоть отбавляй.

Не радовались только несколько высокопоставленных лиц, владевших информацией, которую получила британская разведка. В конце 1941 года англичанам стало известно, что немцы бешеными темпами развивают свои атомные исследования. Стала ясна и конечная цель этого процесса - ядерная бомба. Английские ученые-атомщики были достаточно компетентны, чтобы представить себе, какую угрозу несет новое оружие.

В то же время британцы не строили иллюзий относительно своих возможностей. Все ресурсы страны были направлены на элементарное выживание. Хотя немцы и японцы были по горло заняты войной с русскими и американцами, они время от времени находили возможность ткнуть кулаком ветхое здание Британской империи. От каждого такого тычка трухлявая постройка шаталась и скрипела, грозя обрушиться. Три дивизии Роммеля сковывали в Северной Африке почти всю боеспособную британскую армию. Подводные лодки адмирала Дёница, как хищные акулы, шныряли в Атлантике, грозя прервать жизненно важную нить снабжения из-за океана. У Британии просто не было ресурсов для того, чтобы вступить с немцами в ядерную гонку. Отставание и так было большим, а в самое ближайшее время оно грозило стать безнадежным.

И тогда англичане пошли единственным путем, который сулил хоть какую-то выгоду. Они решили обратиться к американцам, которые располагали необходимыми ресурсами и могли швырять деньги направо и налево. Британцы готовы были поделиться своими достижениями, чтобы ускорить процесс создания общей атомной бомбы.

Надо сказать, что американцы к такому подарку отнеслись поначалу скептически. Военное ведомство в упор не понимало, зачем ему тратить деньги на какой-то маловразумительный проект. Какое там еще новое оружие? Вот авианосные группировки и армады тяжелых бомберов - это да, это сила. А ядерная бомба, которую и сами ученые представляют себе весьма смутно, - это всего лишь абстракция, бабушкины сказки. Пришлось британскому премьеру Уинстону Черчиллю напрямую обратиться к американскому президенту Франклину Рузвельту с просьбой, буквально мольбой, не отвергать английский подарок. Рузвельт вызвал к себе ученых, разобрался в вопросе и дал добро.

Обычно создатели канонической легенды об американской бомбе используют этот эпизод, чтобы подчеркнуть мудрость Рузвельта. Вот, смотрите, какой проницательный президент! Мы же посмотрим на это немного другими глазами: в каком же загоне находились у янки атомные исследования, если они так долго и упорно отказывались сотрудничать с британцами! Значит, Ган был совершенно прав в своей оценке американских ядерщиков - ничего солидного они собой не представляли.

Только в сентябре 1942 года было принято решение о начале работ над атомной бомбой. Организационный период занял еще некоторое время, и по-настоящему дело сдвинулось с мертвой точки лишь с наступлением нового, 1943 года. От армии работу возглавил генерал Лесли Гроувз (впоследствии он напишет мемуары, в которых подробно изложит официальную версию происходившего), реальным руководителем был профессор Роберт Опенгеймер. О нем я расскажу подробно чуть позднее, а пока полюбуемся на еще одну любопытную деталь - как формировался коллектив ученых, начавших работу над бомбой.

Собственно говоря, когда Оппенгеймеру предложили нанять специалистов, выбор у него был крайне невелик. Хороших физиков-ядерщиков в Штатах можно было пересчитать по пальцам искалеченной руки. Поэтому профессор принял мудрое решение - набрать людей, которых он знает лично и которым может доверять, вне зависимости от того, какой областью физики они занимались раньше. Так и вышло, что львиная доля мест была занята сотрудниками Колумбийского университета из округа Манхэттен (кстати, именно поэтому проект получил название Манхэттенского). Но и этих сил оказалось мало. К работе пришлось привлечь британских ученых, буквально опустошив английские научные центры, и даже специалистов из Канады. В общем Манхэттенский проект превратился в некое подобие Вавилонской башни, с той только разницей, что все его участники говорили худо-бедно на одном языке. Однако это не спасало от обычных в ученом сообществе свар и склок, возникавших из-за соперничества разных научных групп. Отголоски этих трений можно найти на страницах книги Гроувза, причем выглядят они очень забавно: генерал, с одной стороны, хочет убедить читателя, что все было чинно и благопристойно, а с другой - похвастаться, как ловко ему удавалось мирить вконец перессорившихся научных светил.

И вот нас пытаются убедить, что в этой дружной обстановке большого террариума американцам удалось за два с половиной года создать атомную бомбу. А немцам, которые

весело и дружно корпели над своим ядерным проектом пять лет, этого не удалось. Чудеса, да и только.

Впрочем, даже если бы никаких склок не было, такие рекордные сроки все равно вызывали бы подозрение. Дело в том, что в процессе исследования нужно пройти определенные этапы, сократить которые практически невозможно. Сами американцы объясняют свой успех гигантским финансированием - в конечном счете на Манхэттенский проект было потрачено более двух миллиардов долларов! Однако, как ни корми беременную женщину, она все равно не сможет родить доношенного ребенка раньше чем через девять месяцев. То же самое и с атомным проектом: существенно ускорить, например, процесс обогащения урана невозможно.

Немцы трудились пять лет с полным напряжением сил. Конечно, бывали у них и ошибки, и просчеты, которые отнимали драгоценное время. Но кто сказал, что у американцев ошибок и просчетов не было? Были, причем много. Одной из таких ошибок стало привлечение к работе знаменитого физика Нильса Бора.

Неизвестная операция Скорцени

Английские спецслужбы очень любят похвастаться одной из своих операций. Речь идет о спасении из нацистской Германии великого датского ученого Нильса Бора.

Официальная легенда гласит, что после начала Второй мировой войны выдающийся физик тихо и спокойно жил в Дании, ведя достаточно уединенный образ жизни. Нацисты много раз предлагали ему сотрудничество, но Бор неизменно отказывался. К 1943 году немцы все-таки решили его арестовать. Но, вовремя предупрежденный, Нильс Бор сумел бежать в Швецию, откуда англичане вывезли его в бомбовом отсеке тяжелого бомбардировщика. К концу года физик оказался в Америке и начал ревностно работать на благо Манхэттенского проекта.

Легенда красивая и романтическая, вот только шита она белыми нитками и не выдерживает никаких проверок. Достоверности в ней не больше, чем в сказках Шарля Перро. Во-первых, потому, что нацисты выглядят в ней законченными идиотами, а они такими никогда не являлись. Подумайте хорошенько! В 1940 году немцы оккупируют Данию. Они знают, что на территории страны живет нобелевский лауреат, который может оказать им большую помощь в работе над атомной бомбой. Той самой атомной бомбой, которая жизненно важна для победы

Германии. И что они делают? Они в течение трех лет изредка навещают ученого, вежливо стучат в дверь и тихонько спрашивают: «Герр Бор, Вы не хотите поработать на благо фюрера и рейха? Не хотите? Ну ладно, мы попозже еще зайдём». Нет, не таким был стиль работы германских спецслужб! По логике вещей, они должны были арестовать Бора не в 1943, а еще в 1940 году. Если получится - заставить (именно заставить, а не упротить!) работать на них, если нет - по крайней мере, сделать так, чтобы он не смог работать на врага: посадить в концлагерь или уничтожить. А они оставляют его спокойно разгуливать на свободе, под носом у англичан.

Через три года - гласит легенда - до немцев наконец доходит, что они по идее должны арестовать ученого. Но тут некто (именно некто, потому что я нигде не нашел указаний на то, кто это сделал) предупреждает Бора о грозящей опасности. Кто это мог быть? В привычки гестапо не выходило кричать на каждом углу о готовящихся арестах. Людей брали тихо, неожиданно, ночью. Значит, таинственный покровитель Бора - кто-то из довольно высокопоставленных чиновников.

Оставим пока этого таинственного ангела-спасителя в покое и продолжим анализировать странствия Нильса Бора. Итак, ученый бежал в Швецию. Как вы думаете, каким образом? На рыбацкой лодке, обходя в тумане катера германской береговой охраны? На сколоченном из досок плоту? Как бы не так! Бор с максимально возможным комфортом уплыл в Швецию на самом обычном частном пароходе, официально зашедшем в порт Копенгагена.

Не будем пока ломать голову над вопросом, как немцы выпустили ученого, если собирались его арестовать. Подумаем лучше вот о чем. Бегство физика с мировым именем - это чрезвычайное происшествие весьма серьезного масштаба. По этому поводу должно было неизбежно проводиться расследование - полетели бы головы тех, кто проглядел физика, а также таинственного покровителя. Однако никаких следов такого расследования обнаружить попросту не удалось. Может быть, потому, что его и не было. Действительно, насколько большую ценность представлял Нильс Бор для разработки атомной бомбы?

Родившийся в 1885 году и ставший нобелевским лауреатом в 1922-м, Бор обратился к проблемам ядерной физики только в 30-е годы. В то время он был уже крупным, состоявшимся ученым с вполне сформировавшимися взглядами. Такие люди редко добиваются успеха в областях, где нужен новаторский подход и нестандартное мышление - а именно такой областью была ядерная физика. За несколько лет Бору так и не удалось внести сколько-нибудь существенный вклад в атомные исследования. Однако, как говорили древние, первую половину жизни человек работает на имя, вторую - имя на человека. У Нильса Бора эта вторая половина уже началась. Занявшись ядерной физикой, он автоматически стал считаться крупным специалистом в этой области вне зависимости от своих реальных достижений. Но в Германии, где трудились такие всемирно известные ядерщики, как Ган и Гейзенберг, реальную цену датскому ученому знали. Именно поэтому его не особо активно пытались привлечь к работам. Получится - хорошо, раструбим на весь мир, что на нас работает сам Нильс Бор. Не выйдет - тоже неплохо, не будет под ногами путаться со своим авторитетом.

Кстати, в Соединенных Штатах Бор в значительной степени именно путался под ногами. Дело в том, что выдающийся физик вообще не верил в возможность создания ядерной бомбы. В то же время его авторитет заставлял считаться с его мнением. Если верить воспоминаниям Гроувза, работавшие в рамках Манхэттенского проекта ученые относились к Бору как к старейшине. А теперь представьте себе, что вы делаете какую-то сложную работу без всякой уверенности в конечном успехе. И тут к вам подходит кто-то, кого вы считаете большим специалистом, и говорит, что на ваше занятие не стоит даже время тратить. Легче ли пойдет работа? Не думаю.

Кроме того, Бор был убежденным пацифистом. В 1945 году, когда у Штатов уже была атомная бомба, он категорически протестовал против ее использования. Соответственно, и к

работе своей относился с прохладцей. Поэтому призываю еще раз задуматься: чего больше принес Бор - движения или застоя в разработке вопроса?

Странная складывается картинка, не правда ли? Немного проясниться она стала после того, как я узнал одну интересную деталь, казалось бы никакого отношения ни к Нильсу Бору, ни к атомной бомбе не имеющую. Речь идет о «главном диверсante Третьего рейха» Отто Скорцени.

Считается, что возвышение Скорцени началось после того, как в 1943 году он освободил из заключения итальянского диктатора Бенито Муссолини. Посажённый в горную тюрьму своими прежними соратниками, Муссолини не мог, казалось бы, надеяться на освобождение. Но Скорцени по прямому указанию Гитлера разработал дерзкий план: высадить десант на планерах и потом улететь на маленьком самолетике. Все получилось как нельзя лучше: Муссолини на свободе, Скорцени в почете.

По крайней мере, так считает большинство. Лишь немногие хорошо информированные историки знают, что здесь перепутаны причина и следствие. Скорцени было поручено крайне сложное и ответственное дело именно потому, что Гитлер ему доверял. То есть возвышение «короля спецопераций» началось до истории со спасением Муссолини. Впрочем, совсем незадолго - за пару месяцев. Скорцени был повышен в звании и должности именно тогда, когда Нильс Бор бежал в Англию. Поводов для повышения мне нигде обнаружить не удалось.

Итак, у нас есть три факта. Во-первых, немцы не препятствовали выезду Нильса Бора в Британию. Во-вторых, Бор принес американцам больше вреда, чем пользы. В-третьих, сразу же после того, как ученый оказался в Англии, Скорцени получает повышение по службе. А что, если это детали одной мозаики? Я решил попытаться реконструировать события.

Захватив Данию, немцы прекрасно представляли себе, что Нильс Бор вряд ли окажет помощь в создании атомной бомбы. Более того, будет скорее мешать. Поэтому его оставили спокойно жить в Дании, под самым носом у англичан. Может быть, уже тогда немцы рассчитывали, что британцы похитят ученого. Однако за три года англичане так и не рискнули предпринять что бы то ни было.

В конце 1942 года до немцев начали доходить неясные слухи о начале масштабного проекта по созданию американской атомной бомбы. Даже учитывая секретность проекта, сохранить шило в мешке было решительно невозможно: моментальное исчезновение сотен ученых из разных стран, так или иначе связанных с ядерными исследованиями, должно было натолкнуть любого психически нормального человека на подобные выводы. Нацисты были уверены, что намного опережают янки (а это соответствовало действительности), но сделать гадость противнику это не мешало. И вот в начале 1943 года проводится одна из самых секретных операций германских спецслужб.

На пороге домика Нильса Бора появляется некий доброжелатель, который сообщает ему, что

его хотят арестовать и бросить в концлагерь, и предлагает свою помощь. Ученый соглашается - иного выхода у него нет, оказаться за колючей проволокой - не лучшая перспектива.

Одновременно англичанам, судя по всему, подсовывается липа о полной незаменимости и уникальности Бора в деле ядерных исследований. Британцы клюют - а что им остается делать, если добыча сама идет к ним в руки, то есть в Швецию? И для полного героизма вывозят Бора оттуда в чреве бомбардировщика, хотя могли бы с комфортом отправить его на корабле.

А потом нобелевский лауреат появляется в эпицентре Манхэттенского проекта, производя эффект взорвавшейся бомбы. То есть, если бы немцам удалось разбомбить исследовательский центр в Лос-Аламосе, эффект был бы примерно тот же. Работа замедлилась, притом весьма существенно. Видимо, американцы далеко не сразу осознали, как их надули, а когда поняли, было уже слишком поздно.

И вы все еще верите в то, что янки сами сконструировали атомную бомбу?

Миссия «Алсос»

Лично я окончательно отказался верить в эти байки после того, как подробно изучил деятельность группы «Алсос». Эта операция американских спецслужб долгие годы держалась в секрете - до тех пор, пока не ушли в лучший мир ее основные участники. И только потом на свет появились сведения - правда, отрывочные и разрозненные - о том, как американцы охотились за немецкими атомными секретами.

Правда, если основательно поработать над этими сведениями и сопоставить их с некоторыми общеизвестными фактами, картина получалась весьма убедительной. Но не буду забегать вперед. Итак, группа «Алсос» была сформирована в 1944 году, в преддверии высадки англо-американцев в Нормандии. Половина членов группы - профессиональные разведчики, половина - ученые-ядерщики. При этом, чтобы сформировать «Алсос», был нещадно обобран Манхэттенский проект - фактически оттуда были взяты лучшие специалисты. Задачей миссии был сбор информации о германской атомной программе. Спрашивается, насколько же отчаялись американцы в успехе своего начинания, если сделали основную ставку на кражу атомной бомбы у немцев?

Отчаялись здорово, если вспомнить малоизвестное письмо одного из ученых-атомщиков своему коллеге. Оно было написано 4 февраля 1944 года и гласило:

Кажется, мы ввязались в безнадежное дело. Проект не продвигается вперед ни на йоту. Наши руководители, по-моему, вообще не верят в успех всего начинания. Да и мы не верим. Если бы не те огромные деньги, которые нам здесь платят, думаю, многие давно уже занялись бы чем-нибудь более полезным.

Это письмо было приведено в свое время в качестве доказательства американских талантов: вот, мол, какие мы молодцы, за год с небольшим вытянули безнадежный проект! Потом в США сообразили, что вокруг не только дураки живут, и поспешили про бумажку забыть. Мне с большим трудом удалось выкопать этот документик в старом научном журнале.

На обеспечение действий группы «Алсос» не жалели денег и сил. Она была прекрасно снабжена всем необходимым. Глава миссии полковник Паш имел при себе документ от министра обороны США Генри Стимсона, который обязывал всех и каждого оказывать группе посильную помощь. Подобных полномочий не имел даже главнокомандующий союзными войсками Дуайт Эйзенхауэр. Кстати, о главнокомандующем - его обязали учитывать в планировании военных операций интересы миссии «Алсос», то есть захватывать в первую очередь те районы, где может быть немецкое атомное оружие.

В начале августа 1944 года, а если быть точным - 9-го числа, группа «Алсос» высадилась в Европе. Научным руководителем миссии был назначен один из ведущих ученых-ядерщиков США - доктор Сэмюэл Гаудсмит. До войны он поддерживал тесные связи с немецкими коллегами, и американцы надеялись, что «международная солидарность» ученых окажется сильнее политических интересов.

Первых результатов «Алсосу» удалось добиться после того, как осенью 1944 года американцы заняли Париж. Здесь Гаудсмит встретился с знаменитым французским ученым профессором Жолио-Кюри. Казалось, Кюри искренне радовался поражениям немцев; однако, как только речь заходила о германской атомной программе, он уходил в глухую «несознанку». Француз твердил, что ничего не знал, ничего не слышал, немцы и близко не подошли к разработке атомной бомбы и вообще их ядерный проект носит исключительно мирный характер. Было ясно, что профессор что-то недоговаривает. Но надавить на него не было никакой возможности - за сотрудничество с немцами в тогдашней Франции расстреливали невзирая на научные заслуги, а смерти Кюри явно боялся больше всего. Поэтому Гаудсмиту пришлось уйти несолоно хлебавши. За все время его пребывания в Париже до него постоянно доходили смутные, но угрожающие слухи: в Лейпциге произошел взрыв «урановой бомбы», в горных районах Баварии отмечены странные вспышки по ночам. Все говорило о том, что немцы не то очень близки к созданию атомного оружия, не то уже создали его.

То, что происходило потом, до сих пор скрыто завесой тайны. Говорят, Пашу и Гаудсмиту все-таки удалось найти в Париже некую ценную информацию. По крайней мере, с ноября Эйзенхауэр постоянно получает требования продвигаться вперед, на территорию Германии, любой ценой. Инициаторами этих требований - теперь это ясно! - в конечном счете оказались люди, связанные с атомным проектом и получавшие информацию напрямую от группы «Алсос». У Эйзенхауэра не было реальной возможности выполнять полученные приказы, однако требования из Вашингтона становились все более жесткими. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы немцы не сделали очередной неожиданный ход.

Арденнская загадка

Собственно говоря, к концу 1944 года все считали, что война Германией проиграна. Вопрос лишь в том, в какие сроки нацисты потерпят поражение. Другой точки зрения придерживались, похоже, только Гитлер и ближайшее его окружение. Они стремились до последнего оттянуть момент катастрофы.

Это желание вполне понятно. Гитлер был уверен, что после войны его объявят преступником и будут судить. А если тянуть время, можно добиться ссоры между русскими и американцами и в конечном счете выйти сухим из воды, то есть из войны. Не без потерь, конечно, но не утратив власти.

Давайте задумаемся: что было для этого нужно в условиях, когда сил у Германии оставалось всего ничего? Естественно, расходовать их как можно более экономно, держать гибкую оборону. А Гитлер в самом конце 44-го бросает свою армию в весьма расточительное Арденнское наступление. Зачем? Войскам ставятся совершенно нереальные задачи - прорваться к Амстердаму и сбросить англо-американцев в море. До Амстердама германским танкам было на тот момент как до Луны пешком, тем более что в их баках плескалось горячего

меньше чем на половину пути. Напугать союзников? Но что могло напугать отлично накормленные и вооруженные армии, за спиной которых была промышленная мощь США?

В общем, до сих пор ни один историк не смог внятно объяснить, зачем Гитлеру было нужно это наступление. Обычно все заканчивают рассуждением о том, что фюрер был идиотом. Но на деле Гитлер идиотом не был, более того, он до самого конца мыслил достаточно здраво и реалистично. Идиотами можно скорее назвать тех историков, которые выносят поспешные суждения, даже не попытавшись в чем-то разобраться.

Но заглянем на другую сторону фронта. Там творятся еще более удивительные вещи! И дело даже не в том, что немцам удалось добиться первоначальных, правда, довольно ограниченных успехов. Дело в том, что англичане и американцы действительно испугались! Причем испуг

был совершенно неадекватен угрозе. Ведь с самого начала было ясно, что сил у немцев мало, что наступление носит локальный характер... Так нет же, и Эйзенхауэр, и Черчилль, и Рузвельт просто-таки впадают в панику! В 1945 году, 6 января, когда немцы были уже остановлены и даже отброшены назад, британский премьер-министр пишет русскому лидеру Сталину паническое письмо, в котором требует немедленной помощи. Вот текст этого письма: На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному сообщению, наш эмиссар главный маршал авиации Теддер вчера вечером находился в Каире, будучи связанным погодой. Его поездка сильно затянулась не по Вашей вине. Если он еще не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным.

Если переводить с дипломатического языка на обычный: спасай, Сталин, - нас побьют! В этом заключается еще одна загадка. Какое «побьют», если немцы уже отброшены на исходные рубежи? Да, конечно, американское наступление, запланированное на январь, пришлось перенести на весну. И что? Радоваться надо, что нацисты растратили свои силы в бессмысленных атаках!

И еще. Черчилль спал и видел, как бы не пустить русских в Германию. А теперь он буквально умоляет их не откладывая начать продвижение на запад! Это до какой же степени должен был испугаться сэр Уинстон Черчилль?! Создается впечатление, что замедление продвижения союзников вглубь Германии трактовалось им как смертельная угроза. Интересно почему? Ведь ни дураком, ни паникером Черчилль не был.

И тем не менее последующие два месяца англо-американцы проводят в страшном нервном напряжении. Впоследствии они будут это тщательно скрывать, но правда все равно прорвется на поверхность в их мемуарах. Например, Эйзенхауэр после войны назовет последнюю военную зиму «самым тревожным временем». Что же так тревожило маршала, если война была фактически выиграна? Лишь в марте 1945 года началась Рурская операция, в ходе которой союзники заняли Западную Германию, окружив 300 тысяч немцев. Командующий германскими войсками в этом районе фельдмаршал Модель застрелился (единственный из всего германского генералитета, кстати). Только после этого Черчилль и Рузвельт более или менее успокоились.

Атомный финал

Но вернемся к группе «Алсос». Весной 1945 года она заметно активизировалась. В ходе Рурской операции ученые и разведчики продвигались вперед чуть ли не вслед за авангардом наступавших войск, собирая ценный урожай. В марте-апреле к ним в руки попадают многие ученые, занятые в немецких ядерных исследованиях. Решающая находка была сделана в середине апреля - 12-го числа члены миссии пишут, что наткнулись «на настоящую золотую жилу» и теперь они «узнают о проекте в основном». К маю в руках американцев оказались и Гейзенберг, и Ган, и Озенберг, и Дибнер, и многие другие выдающиеся немецкие физики. Тем не менее группа «Алсос» продолжала активные поиски в уже побежденной Германии... до конца мая.

А вот в конце мая происходит нечто непонятное. Поиски почти прерываются. Вернее, они продолжаются, но с гораздо меньшей интенсивностью. Если раньше ими занимались крупные

ученые с мировым именем, то теперь - безусые лаборанты. А крупные ученые скопом пакуют вещи и отбывают в Америку. Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, как развивались события дальше. В конце июня американцы проводят испытания атомной бомбы - как утверждается, первые в мире. А в начале августа сбрасывают две на японские города. После этого готовые атомные бомбы у янки заканчиваются, причем на довольно продолжительный срок.

Странная ситуация, не правда ли? Начнем с того, что между испытаниями и боевым применением нового супероружия проходит всего месяц. Дорогие читатели, такого не бывает. Сделать атомную бомбу гораздо сложнее, чем обычный снаряд или ракету. За месяц это просто невозможно. Тогда, наверное, американцы делали три опытных образца сразу? Тоже маловероятно. Изготовление ядерной бомбы - процедура очень дорогостоящая. Нет никакого смысла делать три, если не уверен, что делаешь все правильно. Иначе можно было бы создавать три ядерных проекта, строить три научных центра и так далее. Даже США не столь богаты, чтобы проявлять такую расточительность.

Впрочем, хорошо, предположим, что американцы действительно строили три опытных образца сразу. Почему же они не стали сразу после успешных испытаний запускать ядерные бомбы в серийное производство? Ведь сразу после разгрома Германии американцы оказались перед лицом куда более могучего и грозного противника - русских. Русские, конечно, не угрожали США войной, но они мешали американцам стать хозяевами всей планеты. А это, с точки зрения янки, совершенно недопустимое преступление.

И тем не менее новые атомные бомбы у Штатов появились... Как вы думаете когда? Осенью 1945-го? Летом 1946-го? Нет! Только в 1947 году в американские арсеналы стали поступать первые ядерные боеприпасы! Этой даты вы не найдете нигде, но и опровергнуть ее никто не возьмется. Данные, которые мне удалось добыть, абсолютно секретны. Впрочем, они вполне подтверждаются известными нам фактами о последующем наращивании ядерного арсенала. А главное - итогами испытаний в пустынях Техаса, которые проходили в конце 1946 года.

Да-да, дорогой читатель, именно в конце 1946 года, и ни месяцем раньше. Данные об этом были добыты русской разведкой и попали ко мне очень сложным путем, который, наверное, не имеет смысла раскрывать на этих страницах, чтобы не подставить помогавших мне людей. Накануне нового, 1947 года на стол советскому лидеру Сталину лег весьма любопытный отчет, который я приведу здесь дословно.

По данным агента Феликса, в ноябре-декабре текущего года в районе Эль-Пасо, штат Техас, была проведена серия ядерных взрывов. При этом испытывались опытные образцы ядерных

бомб, аналогичных тем, которые сбрасывались на Японские острова в прошлом году. В течение полутора месяцев были испытаны как минимум четыре бомбы, испытания трех закончились неудачно. Данная серия бомб была создана в процессе подготовки к крупномасштабному промышленному выпуску ядерных боеприпасов. Скорее всего, начало подобного выпуска надо ждать не ранее середины 1947 года.

Русский агент полностью подтвердил имевшиеся у меня данные. Но, может быть, все это - дезинформация со стороны американских спецслужб? Вряд ли. В те годы янки пытались уверить своих противников, что они сильнее всех в мире, и не стали бы преуменьшать свой военный потенциал. Скорее всего, мы имеем дело с тщательно скрываемой правдой.

Что же получается? В 1945 году американцы сбрасывают три бомбы - и все успешно. Следующие испытания - тех же самых бомб! - проходят полтора года спустя, причем не слишком удачно. Серийное производство начинается еще через полгода, причем мы не знаем - и никогда не узнаем, - насколько атомные бомбы, появившиеся на американских армейских складах, соответствовали своему страшному назначению, то есть насколько качественными они были.

Такая картина может нарисоваться только в одном случае, а именно: если первые три атомные бомбы - те самые, сорок пятого года - были построены американцами не самостоятельно, а получены от кого-то. Если говорить прямо - от немцев. Косвенно такую гипотезу подтверждает реакция немецких ученых на бомбардировку японских городов, о которой мы знаем благодаря книге Дэвида Ирвинга.

«Бедняга профессор Ган!»

В августе 1945 года десять ведущих немецких физиков-ядерщиков, десять главных действующих лиц «атомного проекта» нацистов, находились в плену в США. Из них вытягивали всю возможную информацию (интересно зачем, если верить американской версии, что янки намного обогнали немцев в атомных исследованиях). Соответственно, содержались ученые в условиях эдакой комфортабельной тюрьмы. Было в этой тюрьме и радио.

Шестого августа в семь часов вечера Отто Ган и Карл Вирц оказались у радиоприемника. Именно тогда в очередном выпуске новостей они услышали о том, что на Японию сброшена первая атомная бомба. Первая реакция коллег, которым они принесли эту информацию, была однозначной: это не может быть правдой. Гейзенберг считал, что американцы не могли создать собственное ядерное оружие (и, как мы знаем сейчас, был прав). «Упоминали ли американцы слово „уран“ в связи со своей новой бомбой?» - спросил он Гана. Последний ответил отрицательно. «Тогда она не имеет ничего общего с атомом» - отрезал Гейзенберг. Выдающийся физик считал, что янки просто использовали какую-то взрывчатку повышенной мощности.

Однако девятичасовой выпуск новостей развеял все сомнения. Очевидно, до той поры немцы просто не предполагали, что американцам удалось захватить несколько германских атомных бомб. Однако теперь ситуация прояснилась, и ученых начали терзать муки совести. Да-да, именно так! Доктор Эрих Багге записал в своем дневнике:

Теперь эту бомбу применили против Японии. Они передают, что даже через несколько часов подвергшийся бомбардировке город скрыт облаком дыма и пыли. Речь идет о смерти 300 тысяч человек. Бедняга профессор Ган!

Более того, тем вечером ученые сильно беспокоились о том, как бы «бедняга Ган» не покончил с собой. Двое физиков дежурили у его постели допоздна, чтобы не дать ему наложить на себя руки, и ушли в свои комнаты только после того, как обнаружили, что их коллега наконец уснул крепким сном. Сам Ган впоследствии так описывал свои впечатления: Какое-то время мной владела мысль о необходимости сбросить в море все запасы урана, чтобы избежать подобной катастрофы в будущем. Хотя я чувствовал личную ответственность за происшедшее, я задумался, вправе ли я или кто-либо другой лишать человечество всех тех

плодов, которые может принести новое открытие? И вот теперь эта ужасная бомба сработала!

Интересно, если американцы говорят правду, и упавшую на Хиросиму бомбу действительно создали они сами, с какой стати немцам чувствовать «личную ответственность» за случившееся? Конечно, каждый из них внес свой вклад в ядерные исследования, но на том же основании можно было бы возложить часть вины на тысячи ученых, в том числе Ньютона и Архимеда! Ведь и их открытия в конечном счете привели к созданию ядерного оружия!

Душевные терзания германских ученых приобретают смысл только в одном случае. А именно - если они сами создали ту бомбу, которая уничтожила сотни тысяч японцев. Иначе с какой стати им переживать за содеянное американцами?

Впрочем, пока все мои умозаключения были не более чем гипотезой, подтвержденной лишь косвенными доказательствами. А вдруг я ошибаюсь и американцам действительно удалось невозможное? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно было вплотную изучить германскую атомную программу. А это не так просто, как кажется.

Автор Ганс-Ульрих фон Кранц, Тайное оружие Третьего рейха